

Годъ изданія четвертый.

ЯНВАРЬ

№ 5.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НА САНКАХЪ.

«МИЛЫЙ».

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ВСТРѢЧА.

НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).

ГОЛОВОЛОМКИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Въ тепломъ гнѣздышкѣ» — сборникъ повѣстей и рассказовъ для дѣтей (листь 3-й).

Кабинетъ для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Мальчикъ съ котѣнкомъ.

НА САНКАХЪ.

Что за утро! Сколько свѣта!
 Такъ и манить на просторъ!
 И куда ни кинешь взоръ,—
 Первымъ снѣгомъ все одѣто.
 Сводъ небесъ прозрачно-синій,
 На вѣтвяхъ сверкаетъ иней,
 Солнце льдинки серебритъ.
 Воздухъ свѣжій, чистый-чистый,
 Снѣгъ холодный и пушистый
 Подъ полозьями скрипитъ.
 Мы на санкахъ. Ну, живѣ!..

Вѣтеръ треплетъ волоса,
 Въ чистомъ воздухѣ звончѣе
 Слышны смѣхъ и голоса.
 Пылью бѣлыя снѣжинки
 Поднялися отъ земли,
 На вѣтвяхъ повисли льдинки
 И горять, какъ хрустали.
 Тронулъ вожжи... Полетѣли!
 Эй! Съ дороги сторонись!
 И бубенчики запѣли,
 Звонкимъ смѣхомъ залились.

Е. Селунская.

«М И Л Ы Й».

Меня зовутъ по-арабски „Зерафѣ“, что значить — „милый“, по европейски-же меня прозвали почему-то „Жирафѣ“. И я дѣйствительно, очень милъ. Если вы не видѣли меня живымъ, то ни по какимъ рисункамъ, ни по какимъ фотографическимъ карточкамъ вы не составите себѣ даже и представленія, какъ я красивъ и милъ. Другого звѣря, подобнаго мнѣ, во всемъ свѣтѣ нѣтъ. Я вдвое выше самаго высокаго слона и въ четыре раза выше, чѣмъ человѣкъ. У меня длинная шея, какъ у лебедя, и высокія, изящныя ноги. Какъ и у вашей коровы, у меня

раздвоенныя копыта и я такое-же жвачное животное, какъ и она. Но мое мясо, говорятъ, такъ вкусно, какъ ни у одного другого двухкопытнаго животнаго. Это-то и заставляетъ людей охотиться на насъ и истреблять такихъ красивыхъ животныхъ, какъ мы. Нѣкоторыхъ изъ насъ люди увозятъ далеко отъ родины, подъ сѣрое небо Европы, въ голодъ и въ холодъ, и сажаютъ насъ за рѣшетки въ зоологическихъ садахъ, гдѣ намъ негдѣ бѣгать и рѣзвиться, какъ на волѣ, и гдѣ мы скоро заболѣваемъ и умираемъ, вспоминая о далекомъ, жаркомъ африканскомъ солнцѣ.

Но судьба пощадила меня: я уже такъ давно живу въ Зоологическомъ саду, что совсѣмъ почти и забылъ объ Южной Аѳрикѣ, гдѣ протекло мое счастливое дѣтство.

Я припоминаю, какъ я бѣгалъ сбоку своей матери, прекрасной жираффы, чуть не въ три сажени ростомъ. По цѣлымъ днямъ мы носились съ ней по горячей, песчаной равнинѣ, или пробирались сквозь густыя заросли въ обществѣ сорока или пятидесяти такихъ-же жираффъ, какъ и она.

Это были счастливые дни. Мы всегда были сыты, потому что въ тѣхъ мѣстахъ росло много акацій и мимозъ, до листьевъ которыхъ мы большія охотницы. Онѣ росли почти повсюду, гдѣ текла вода, и такъ было пріятно срывать съ ихъ высокихъ вѣтвей сочныя листья, тогда какъ южное солнце жарило насъ прямо въ спины и своими пламенными лучами сожигало траву на землѣ!

Не смотря на нашъ высокій ростъ, мы, жираффы, все-таки слабыя созданія и потому и тамъ, у себя на родинѣ, всякую минуту боялись за свою жизнь. Кругомъ насъ ходили хищные леопарды и тигры, которые тамъ дики и опасны и не сидятъ за рѣшетками, какъ здѣсь у насъ. Однажды на песчаной пустынѣ меня настигнулъ левъ. Я бросился бѣжать, но онъ все время гнался за мной по пятамъ. Мы бѣгаемъ такъ, какъ ни одна

лошадь въ свѣтѣ. Чтобы насъ настичь, нужна почти невѣроятная быстрота, и кто-бы за нами ни гнался, онъ всегда устанетъ раньше, чѣмъ мы. Но я былъ еще молодъ, ноги у меня еще были не крѣпки и левъ непременно догналъ-бы меня и растерзалъ, если-бы я не бросился въ заросли и кусты. Я разбѣжался и прыгнулъ въ нихъ сверху внизъ. Это былъ красивый скачокъ, потому что мы, жираффы, когда прыгаемъ, то во время прыжка вовсе не сгибаемъ ногъ. Изъ зарослей я перебѣжалъ въ лѣсъ, прыгнулъ вправо, прыгнулъ влево, обманулъ этимъ своего преслѣдователя и удралъ. Такъ онъ и остался ни съ чѣмъ. Вскорѣ послѣ этого приключенія, очень рано поутру, я пробирался черезъ заросли и широко раскрывъ ноздри, впивалъ въ себя свѣжій утренній воздухъ и обрывалъ по дорогѣ съ мимозъ и акацій ихъ сочныя листья. Я это дѣлалъ очень легко на ходу, потому что мнѣ помогали въ этомъ моя верхняя губа и языкъ. На акаціяхъ были острые шипы и, чтобы не уколоть о нихъ свои нѣжные ноздри, я плотно зажалъ ихъ, такъ что могъ дышать только черезъ ротъ. Схвативъ затѣмъ своей длинной верхней губой за вѣтку, я обламывалъ съ нея листья своимъ цыкимъ языкомъ и клалъ ихъ себѣ въ ротъ. Въ общемъ это было со стороны забавно, такъ какъ языкъ для жираффы то-же, что

хоботь для слона. Я могу брать языкомъ даже самыя маленькія предметы, могу ощищивать имъ съ вѣтвей даже чуть замѣтные листочки и только что появившіяся почки. Итакъ, я шелъ черезъ заросли и вдругъ увидѣлъ синій дымокъ, поднимавшійся изъ-за сосѣднихъ кустовъ.

„Что-бы это такое было?“ — подумалъ я.

До сихъ поръ я еще ни разу въ жизни не видалъ дыма. Будучи молодымъ, неопытнымъ и очень любопытнымъ, я пробрался сквозь кусты и сталъ на него глядѣть.

Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ чернокожихъ людей, сидѣвшихъ вокругъ огня, надъ которымъ висѣлъ кипѣвшій котелокъ! Ничего подобнаго я еще не видѣлъ никогда и все, что я видѣлъ теперь, казалось мнѣ точно во снѣ. Мы, жираффы, спимъ вообще очень мало, очень чутки во снѣ, но, не смотря на это, насъ все-таки посѣщаютъ сновидѣнія, такъ какъ мы вскакиваемъ среди ночи ни съ того, ни съ сего и бѣшено, всѣмъ стадомъ, бросаема со всѣхъ ногъ бѣжать. Во время сна мы ложимся обыкновенно на бокъ, подгибаемъ подъ себя обѣ переднія ноги и вытягиваемъ по землѣ наши шеи во всю ихъ длину. Это очень красиво. Когда мы такъ лежимъ всѣмъ стадомъ, одинъ изъ насъ, наиболѣе храбрый и сильный, выходитъ поодаль и вызываетъ

на бой нашего стараго вожака. Они становятся другъ къ другу задомъ и начинаютъ поражать одинъ другого задними ногами. Эти дуэли составляютъ всегда очаровательныя зрѣлища. Мы лежимъ, дремлемъ, а два витязя, при свѣтѣ луны, сражаются до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не признаетъ себя побѣжденнымъ. Обыкновенно побѣжденнымъ оказывается старикъ и тогда вожакомъ всего нашего стада является молодой побѣдитель.

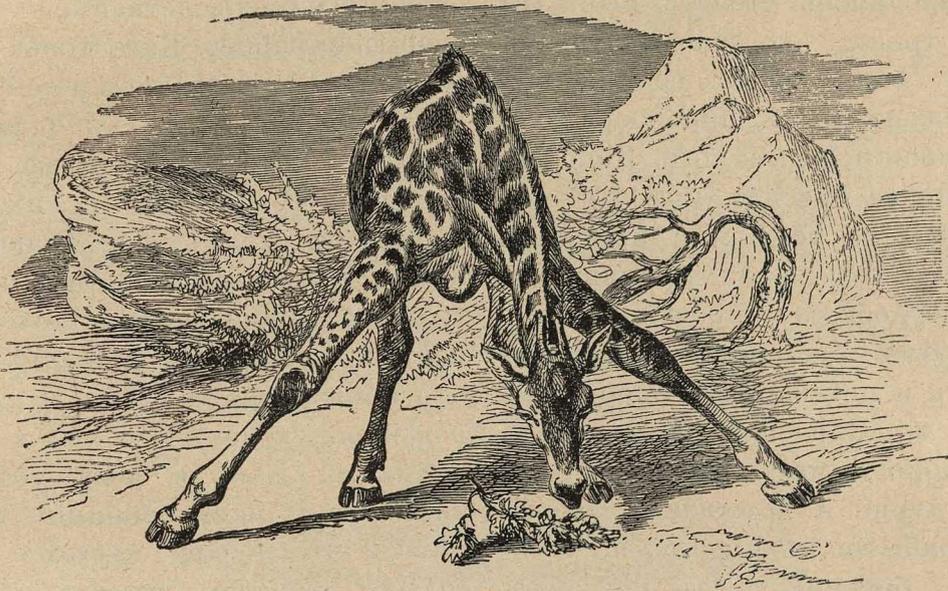
Но возвращаюсь къ своему разсказу. Я стоялъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей. Мнѣ казались странными ихъ короткія шеи и чѣмъ-то непостижимымъ пылавшій подъ котелкомъ огонь. Какъ вдругъ одинъ изъ людей обернулся въ мою сторону и увидалъ меня. Онъ вскрикнулъ, толкнулъ своихъ товарищей и вскочилъ на ноги. Въ одинъ моментъ, прежде чѣмъ я успѣлъ о чемъ-нибудь сообразить, онъ схватилъ веревку, сдѣлалъ изъ нея арканъ и бросилъ въ мою сторону. Петля захлестнула мнѣ шею, я хотѣлъ было броситься бѣжать, но было уже поздно: чѣмъ больше я вырывался, тѣмъ петля все туже и туже затягивала мнѣ горло, такъ что даже трудно становилось дышать. Всѣ девять позвонковъ моей длинной шеи трещали отъ давленія этой веревки.

И я понялъ тогда, что лишился свободы навсегда.

Человѣкъ привязалъ меня къ дереву и, не смотря на мои сопротивленія, связалъ мнѣ переднія и заднія ноги такъ, что я едва могъ шагать. Такъ точно спутываютъ у васъ лошадей, когда выпускаютъ ихъ однихъ пастись.

ропы покупать звѣрей для своихъ зоологическихъ садовъ.

Меня повели затѣмъ черезъ пустыню и привели къ какому-то большому селенію на берегу моря. Когда мы подошли къ нему, то къ намъ навстрѣчу вышелъ другой

Жираффъ.

Что я могъ сдѣлать? Какъ я могъ убѣжать отъ людей? Мы кротки и покорны отъ природы и я скоро примирился со своей судьбой.

— Хорошая добыча! — радовался, глядя на меня мой хозяинъ. — Я продамъ его бѣлымъ людямъ, когда они приѣдутъ сюда изъ Ев-

такой-же жираффъ, какъ и я, и съ любопытствомъ оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ. Это былъ ручной жираффъ. Онъ давно уже позабылъ о своей свободѣ и теперь служилъ людямъ вмѣсто лошади: они запрягали его въ телѣгу, возили на немъ тяжести, и ѣздили на немъ верхомъ, держась обѣими

руками за его длинную шею. Меня повели по улицѣ селенія и то и дѣло изъ-за заборовъ высывались головы ручныхъ жираффовъ и жираффа, которые глядѣли на меня и, казалось, хотѣли сказать:

— А, и ты къ намъ? Очень рады съ тобой познакомиться!

Мнѣ хотѣлось ѣсть. Здѣсь уже не было ни зарослей, ни деревьевъ и приходилось утолять свой голодъ травой, которая росла на землѣ. Чтобы достать ее съ земли, я долженъ былъ широко раздвинуть свои переднія ноги. Какой-то мальчишка бросилъ мнѣ вѣточку акаціи и ее тоже мнѣ пришлось поднимать съ земли, принявъ такую неудобную, широкую позу.

Затѣмъ меня помѣстили на пароходъ и повезли въ Европу въ одинъ изъ Зоологическихъ садовъ. Всю дорогу насъ качало и мнѣ было дурно и кружилась голова. По прибытіи въ Европу, я, усталый и больной, былъ посаженъ въ вагонъ, въ которомъ въ крышѣ была устроена дыра. Въ нее я долженъ былъ просунуть свою длинную шею и такъ и ѣхалъ всю дорогу, держа голову на пронзительномъ холодномъ вѣтру и дыша удушливымъ дымомъ локомотива. Это были тяжелыя минуты моей жизни. Я вспоминалъ о своей далекой родинѣ и горько плакалъ.

Но вотъ меня помѣстили въ Зоологическомъ саду. Надо мною сѣрое небо, мнѣ негдѣ побѣгать и

тоска гнететъ мое сердце. Мнѣ даютъ траву и вѣтки деревьевъ, которыя я обгладываю, но листья на нихъ не такъ вкусны и сочны, какъ у меня на родинѣ. Меня очень часто обманываютъ дамы. Когда онѣ приходятъ глядѣть на меня, то украшаютъ свои шляпы цвѣтами. Онѣ не думаютъ о томъ, что мы, жираффы, вовсе не имѣемъ обонянія и руководствуемся только своимъ зрѣніемъ. Какъ только онѣ подходятъ близко, такъ я сейчасъ же, при видѣ на ихъ шляпахъ цвѣтовъ, подбѣгаю къ нимъ и съ радостью срываю ихъ съ ихъ роскошныхъ шляпъ и съѣдаю. Но они оказываются сдѣланными изъ тряпокъ и проволокъ и это мнѣ часто вредитъ. Дамы дѣлаютъ видъ что обижаются на меня и, недовольныя, уходятъ. Но что я могу подѣлать? Какъ я могу убѣдить ихъ, что у меня обонянія вовсе нѣтъ и что ноздри служатъ мнѣ только для того, чтобы черезъ нихъ дышать?

Я очень уменъ и понятливъ, но глаза часто обманываютъ меня и искусственные цвѣты я принимаю за настоящіе. У меня отлично развито зрѣніе, но цвѣты сдѣланы такъ хорошо, что я затрудняюсь ихъ различить.

Мнѣ часто бываетъ скучно одному. Иногда ко мнѣ во дворикъ смотритель для моего развлечения впускаетъ другихъ звѣрей. Я такое мирное и незлобивое живот-

ное, что играю даже съ козой и съ теленкомъ. Я живу въ дружбѣ со всѣми, даже съ животными не моей породы. Но больше всего я друженъ съ собакой своего сторожа, которая часто приходитъ ко мнѣ и развлекаетъ меня своимъ

лаемъ и веселыми прыжками вокругъ моихъ ногъ.

Если-бы я не былъ жираффомъ, то желалъ-бы быть собакой. У нея такіе-же добрые глаза, какъ и у меня.

С. Вершининъ.

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

— „Няня, который-же часъ?
Встала зачѣмъ ты со свѣчкой?
Спитъ еще котъ передъ печкой,
Рано, а будишь ты насъ!“

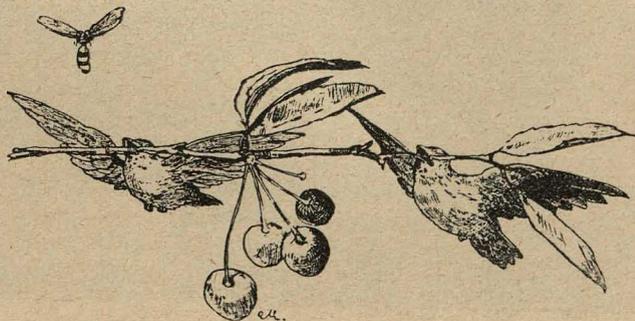
Было вчера воскресенье,
Пусть-бы сегодня опять!
Господи, что за мученье
Рано, до свѣта, вставать!“

Третъ Оля сонные глазки,
Съла, колѣнки обнявъ,
Ищетъ глазами подвязки...
— „Няня, зашить-ли рукавъ?“

Все зачинала старушка;
Завтракъ давно ужъ готовъ..
Въ спальнѣ кукуетъ кукушка.
— „Семь?“ — „Нѣтъ, ужъ восемь ча-
совъ!“

Ночью шелъ снѣгъ; побѣлѣло;
Дворникъ панели скребетъ...
— Дѣти, скорѣе за дѣло!
День трудовой настаетъ!

О. Бѣляевская.

Венеціанскіе рыбаки.

— Какъ это ты запугался?

ВСТРѢЧА.

Въ ясный осенній полдень, въ итальянскомъ портовомъ городѣ Генуѣ, на ступеняхъ статуи Христофора Колумба лежалъ мальчикъ и ѣлъ кусокъ хлѣба, служившій ему обѣдомъ. Вокругъ него бѣгала весело маленькая обезьянка и съ удовольствіемъ выхватывала у него изъ рукъ тѣ крошки, которыя онъ удѣлялъ ей отъ своего скуднаго обѣда.

Мальчикъ ѣлъ и въ то же время думалъ о своихъ родныхъ горахъ. Подобно многимъ своимъ сверстникамъ и онъ принужденъ былъ покинуть свою бѣдную родину и искать посильнаго заработка на чужбинѣ. Оставляя себѣ только на скудное пропитаніе, онъ всѣ деньги, которыя зарабатывалъ при помощи своей обезьянки, отсылалъ на родину родителямъ, которые находились въ бѣдности и иногда даже и не знали, чѣмъ заплатить за кусокъ хлѣба.

Мальчика этого звали Джіованнино. Онъ довольствовался только самымъ необходимымъ. Онъ былъ молодъ и легко переносилъ лишения; когда же ему дѣлалось грустно, то онъ развлекался, глядя на продѣлки и проказы своей обезьянки. Онъ очень любилъ ее; она тоже, злой судьбою была вырвана изъ американскихъ лѣсовъ, гдѣ на

вершинахъ деревьевъ ловила золотистыхъ жуковъ и издавала крики, похожіе на звуки флейты. Бѣдная обезьянка была привезена въ Геную и здѣсь онъ кушилъ ее за гроши.

Покончивъ съ обѣдомъ и чувствуя усталость отъ долгой ходьбы по городу, во время которой обезьянка Куду показывала публикѣ свои фокусы, Джіованнино прислонился своей черноволосой, кудрявой головой къ подножію памятника, на который падала тѣнь отъ сосѣднихъ пальмъ и лавровыхъ деревьевъ, и собирался вздремнуть. Обезьяна помѣстилась у него на плечѣ и прижала голову къ его щекѣ. Вдругъ послышался дѣтскій голосокъ. Кто-то воскликнулъ на русскомъ языкѣ:

— Папа, папа, посмотри, какая милая обезьянка сидитъ на плечѣ у мальчика!

У памятника стоялъ важный господинъ съ женою и съ одиннадцатилѣтнею дочерью, смотрѣвшею на Куду съ восхищеніемъ.

Смущенный Джіованнино вскочилъ и, приподнявъ шляпу, отвѣсилъ поклонъ незнакомому господину; обезьянка однимъ прыжкомъ очутилась на стволѣ пальмы и такъ жалобно стала смотрѣть сверху на своего хозяина, какъ будто-

бы хотѣла спросить, хорошо ли она поступила, вскарабкавшись на дерево.

Встрѣтившись съ его взглядомъ, она успокоилась, спрыгнула къ нему опять на плечо и стала съ любопытствомъ смотрѣть на чужихъ. Дѣвочка, повидимому, привлекала къ себѣ особенное ея вниманіе—потому-ли, что у нея были ясные и голубые глаза и золотистые волосы, или же, можетъ быть, потому, что у нея въ рукѣ была коробка съ финиками. Дѣвочка именно такъ растолковала себѣ взгляды обезьянки и съ трогательною нѣжностью протянула къ ней коробку.

— На, ѣшь! — сказала она. — Быть можетъ, ты голодна!

На долю Куду не каждый день выпадали такія лакомства и потому она, не заставляя себя долго ждать, смѣло запустила лапки въ коробку. Захвативъ во всѣ четыре руки по финику, она оплела своимъ гибкимъ и длиннымъ хвостомъ шею Джіованнино и повисла на немъ; увидѣвъ это, дѣвочка разсмѣялась такъ весело и искренно, что это веселье передалось даже и ея родителямъ. Даже самъ Джіованнино, не смотря на свою природную застѣнчивость, не могъ удержаться отъ улыбки, но тотчасъ же и спохватился и принялъ скромно-серьезный видъ.

Куду съ наслажденіемъ съѣла финики, и заискивающе поглядѣла

на коробку: не дадутъ ли еще?

— Мама, — обратилась дѣвочка къ матери, — позволь мнѣ подарить остальные финики мальчику.

— Подари, — отвѣтила мать. — Можетъ быть онъ намъ за это покажетъ какіе-нибудь фокусы своей обезьянки.

Джіованнино съ большою готовностью заставилъ Куду продѣлать все, что она умѣла.

Нина — такъ звали дѣвочку — еще долго смотрѣла бы на это представленіе, если-бы ея папа и мама, давъ мальчику мелкую монету, не пошли домой. — Молча, она послѣдовала за ними.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть эту обезьянку еще разъ... — проговорила она, обернувшись и посмотрѣвъ въ послѣдній разъ на Куду. — Я хотѣла бы, чтобы она была у насъ...

— Хорошо, — отвѣтилъ отецъ, который былъ всегда радъ доставить дочуркѣ удовольствіе, — мы велимъ мальчику зайти къ намъ.

Онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ Джіованнино, назвалъ свое имя, далъ адресъ и велѣлъ ему черезъ нѣсколько дней къ нимъ придти.

Джіованнино обрадовался и поблагодарилъ. Онъ непременно придетъ въ назначенное время. Отецъ дѣвочки былъ русскій помѣщикъ. У него болѣла грудь и доктора предписали ему продолжительное пребываніе въ какомъ-нибудь южномъ итальянскомъ приморскомъ

городѣ. Въ виду этого онъ и пріѣхалъ сюда надолго вмѣстѣ съ женою и единственной дочерью и поселился въ Генуѣ на частной квартирѣ. Жить въ гостинницахъ онъ не любилъ.

Осень подходила къ концу, въ Россіи уже давно лежалъ снѣгъ и завывали бури, а здѣсь, въ Генуѣ, воздухъ былъ теплый и пріятный, волны въ гавани—голубыя, а изъ зелени деревьевъ выглядывали золотыя апельсины. Небо было ясное и привѣтливое. Въ обѣденное время русскій пріѣзжій вмѣстѣ съ женою и дочерью предпринимали прогулки въ различныя части города и въ одну изъ такихъ прогулокъ они и встрѣтили Джіованнино съ его обезьянкой у подножія памятника Христофора Колумба.

Мальчикъ едва дождался назначеннаго дня, надѣлъ праздничное платье, вычистилъ тщательнѣе обыкновеннаго башмаки, вымылъ руки, причесался, взялъ Куду и пошелъ по дорогѣ, которую изучилъ уже заранѣе.

Сердце его стучало отъ радости и отъ волненія. Какъ-то его примутъ эти важные русскіе? Хорошо ли будетъ вести себя обезьяна? По прежнему ли привѣтливо взглянетъ на него своими голубыми глазками Нина?

Эти мысли не покидали его все время, пока онъ шелъ туда. Можетъ быть фокусы Куду дадутъ

ему такой заработокъ, что будетъ чего послать домой. Онъ уже мечталъ о томъ, какъ обрадуются его отецъ и мать, когда почтальонъ постучится къ нимъ въ дверь и подастъ имъ деньги, которыя онъ имъ пошлетъ.

Но вотъ онъ и во дворѣ того дома, гдѣ живетъ Нина. Привратникъ указалъ ему на лѣстницу вверхъ. Онъ поднялся. Его встрѣтилъ слуга, провелъ его черезъ стеклянную галерею, уставленную цвѣтами, и ввелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ русскій господинъ съ семьєю. Они оканчивали завтракъ.

— Здравствуйте, — робко сказалъ Джіованнино, скромно остановившись у двери.

— А, здравствуй!—воскликнулъ господинъ.—Какъ поживаешь?

Джіованнино хотѣлъ отвѣтить, но въ это время обезьянка увидѣла на столѣ фрукты, сахарницу, молочникъ и печеніе и тотчасъ же стала вырываться изъ рукъ своего хозяина, чтобы прыгнуть на столъ и безъ церемоніи прыгнуться на немъ за ѣду. Съ большимъ трудомъ мальчику удалось ее унять. Увидѣвъ это, Нина встала изъ-за стола, подбѣжала къ Куду и обезьянка однимъ прыжкомъ очутилась у нея на плечѣ и обняла ее за шею.

Это испугало Нину. Она громко вскрикнула и отшатнулась назадъ. Ея папа и мама встревожились и даже повскакивали со своихъ

мѣсть. Но знакомый съ тѣмъ, какъ его воспитанница выражаетъ свои ласки, Джіованнино спокойно снялъ Куду съ шеи дѣвочки и извинился за поведеніе обезьянки.

— Простите ее, мадмуазель... — сказалъ онъ. — Это она отъ радости...

Нина быстро оправилась отъ испуга и всѣ снова усѣлись за столъ.

— Давайте посмотримъ, что она сейчасъ будетъ дѣлать, — сказалъ папа. — Мальчикъ, — обратился онъ къ Джіованнино, отпусти сейчасъ свою обезьянку на волю!

Мальчикъ отпустилъ Куду на полъ. Однимъ прыжкомъ она очутилась прямо на столѣ.

— Не мѣшайте, не мѣшайте ей! — воскликнулъ папа. — Пусть она дѣлаетъ, что хочетъ.

Увидѣвъ себя на роскошно накрытомъ столѣ, обезьянка начала осторожно обходить бутылки, стаканы, чайники и вазы и стала осматривать и понемногу пробовать всего. Сначала она остановилась передъ тарелкой съ виноградомъ и съѣла нѣсколько ягодъ, потомъ, вытянувшись во весь ростъ и напилась молока изъ высокаго молочника. Вслѣдъ затѣмъ она удовлетворенно осмотрѣлась кругомъ и издала нѣсколько нѣжныхъ, длинныхъ звуковъ.

При этомъ она была такъ мила, что всѣ невольно смѣялись. Это, повидимому, обрадовало ее; она

смѣло подскочила къ сахарницѣ и достала изъ нея кусокъ сахара. Но кусокъ оказался для нея очень великъ и твердъ и она не осилила его своими маленькими зубками. Чтобы размягчить его, она окунула его въ молоко, но сахаръ выскочилъ у нея изъ пальцевъ и упалъ прямо на дно. Куду стала вопросительно смотрѣть на всѣхъ, а потомъ вдругъ осмѣлилась, погрузила въ серебряный молочникъ всю свою лапку до плеча и съ торжествомъ вытащила свою сладкую добычу изъ молока.

Это вызвало всеобщій взрывъ звонкаго смѣха. Куду спрыгнула со стола и побѣжала по комнатѣ, держа высоко въ рукѣ сахаръ, ухватила другою за снурокъ отъ колокольчика и въ одинъ мигъ взобралась подъ потолокъ. Отъ ея тяжести звонокъ зазвонилъ. Вошелъ слуга, думавшій, что его звали. Обезьяна испугалась его и звонка, быстро спустилась по снурку и взобралась на плечо къ своему хозяину; онъ такъ испугался этого безпорядка, что хотѣлъ было уже безъ оглядки бѣжать.

— Ничего, ничего! — ободрила его Нина. — Это такъ весело и интересно!

Она забавлялась отъ души и ея папа и мама, которымъ тоже очень понравились эти продѣлки обезьянки, тоже смѣялись и старались ободрить мальчугана.

Но въ это время раздался сна-

ружи звукъ колесъ подѣхавшаго экипажа и цѣлая семья русскихъ вдругъ шумно вошла въ столовую.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — слышались со всѣхъ сторонъ голоса. — Мы заѣхали за вами! Подѣмтекататься! Одѣвайтесь скорѣе!

Папа Нины былъ въ бархатномъ пиджакѣ, а мама — еще въ утреннемъ пеньюарѣ. Ниночкѣ тоже было нужно одѣться. Они заспѣшили.

— Приходи когда-нибудь въ другой разъ! — обратился папа къ итальянчику и поспѣшно увелъ за собою жену и дочь.

Джіованнино растерянно стоялъ и не зналъ, что ему дѣлать. Слуга распахнулъ дверь, показывая этимъ, что надо уходить, и мальчикъ молча и не безъ смущенія спустился внизъ по лѣстницѣ. Ни у кого, даже и у расположенной къ нему Нины не оказалось времени для того, чтобы проститься съ нимъ. Не сбылась также и его мечта получить какое-нибудь вознагражденіе за забаву, которую его обезьянка могла бы доставить Нинѣ. Посылать на родину теперь было нечего.

Совсѣмъ обезкураженный, направился онъ вдоль улицы, ведущей на площадь, въ надеждѣ хоть что-нибудь заработать тамъ среди публики фокусами своей обезьянки.

Едва-едва удалось ему набрать нѣсколько мѣдныхъ монетокъ, какъ толпа вдругъ раздалась, чтобы пропустить экипажъ. Въ немъ Джіо-

ваннино увидѣлъ Нину и ея родителей.

— Мама, — воскликнула съ живостью дѣвочка, увидѣвъ въ толпѣ мальчика, который вѣжливо приподнялъ передъ нею свою шляпу, — посмотри, вонъ мальчикъ, который былъ у насъ сейчасъ со своею обезьянкою. Онъ собираетъ деньги за представленіе.

— Вижу, дитя мое, — отвѣтила мама; — вижу и вспоминаю, что мы, спѣша на прогулку, совсѣмъ и позабыли дать ему, бѣдняжкѣ, что-нибудь.

— Да, да! — согласился и папа. — И я очень сожалѣю объ этомъ! Для того, чтобы загладить передъ нимъ нашу вину, давайте пригласимъ его къ намъ еще разъ!

— Давайте, давайте! — воскликнула Нина съ восторгомъ. — Только ты, папа, получше ему заплати, а то воображаю, какъ онъ былъ огорченъ, не получивъ ничего.

Папа не отвѣтилъ, но, остановивъ экипажъ, велѣлъ спрыгнувшему съ козелъ лакею сказать Джіованнино, чтобы онъ пришелъ со своею обезьянкою въ ближайшій четвергъ въ 11 часовъ утра.

Пока обрадованный Джіованнино раскланивался и благодарилъ, Нина отъ души цѣловала отца, выражая этимъ признательность за двойное выполненіе ея желаній.

„Вѣроятно я обязанъ этой милостью барышнѣ“, подумалъ Джіованнино, провожая глазами эки-

пажъ. „Какъ она добра! Точно ангель!..“

Онъ купилъ для Куду немножко изюма въ благодарность за то, что она познакомила его съ такими важными господами, и пошелъ въ предмѣстье, чтобы заработать еще что нибудь и пообѣдать немножко получше обыкновеннаго.

— Поѣмъ-ка я сегодня макаронъ!—рѣшилъ онъ.

И какъ настоящій итальянецъ, онъ подошелъ къ уличной продавщицѣ макаронъ и съ аппетитомъ съѣлъ у нея ихъ цѣлую тарелку.

Давно ожидаемый четвергъ наступилъ. Джіованнино одѣлся такъ же тщательно, какъ и въ первый разъ, не заставляя Куду работать, чтобы сберечь ея силы для представленія у русскихъ, и затѣмъ отправился къ нимъ въ гости.

Ровно въ 11 часовъ онъ уже стоялъ передъ воротами, стеръ съ башмаковъ пыль, пригладилъ волосы, вытеръ разгорѣвшееся отъ волненія лицо и позвонилъ. Никто не отпиралъ. Онъ позвонилъ еще и еще разъ, но ворота попрежнему оставались запертыми. А между тѣмъ [это былъ именно четвергъ и только что пробило ровно 11 часовъ утра.

„Должно быть господа не вернулись еще со своей утренней прогулки“, подумалъ Джіованнино и пошелъ по улицѣ, чтобы подождать въ сторонѣ, когда они возвратятся.

Изъ сосѣдней лавочки вышла пожилая женщина и спросила его, не онъ ли тотъ самый итальянчикъ, который долженъ былъ сегодня въ 11 часовъ явиться къ русскимъ господамъ со своей обезьяной? Получивъ утвердительный отвѣтъ, она подала ему небольшую коробку.

— Вотъ лакомства для тебя и для твоей обезьяны! — сказала она.—Русскіе господа неожиданно уѣхали вчера въ Неаполь. Принчипе руссо (русскій князь) получилъ телеграмму и уѣхалъ туда со всей своей семьей. Его дочь просила меня передать тебѣ эту коробку. Здѣсь сласти для тебя и для твоей обезьянки.

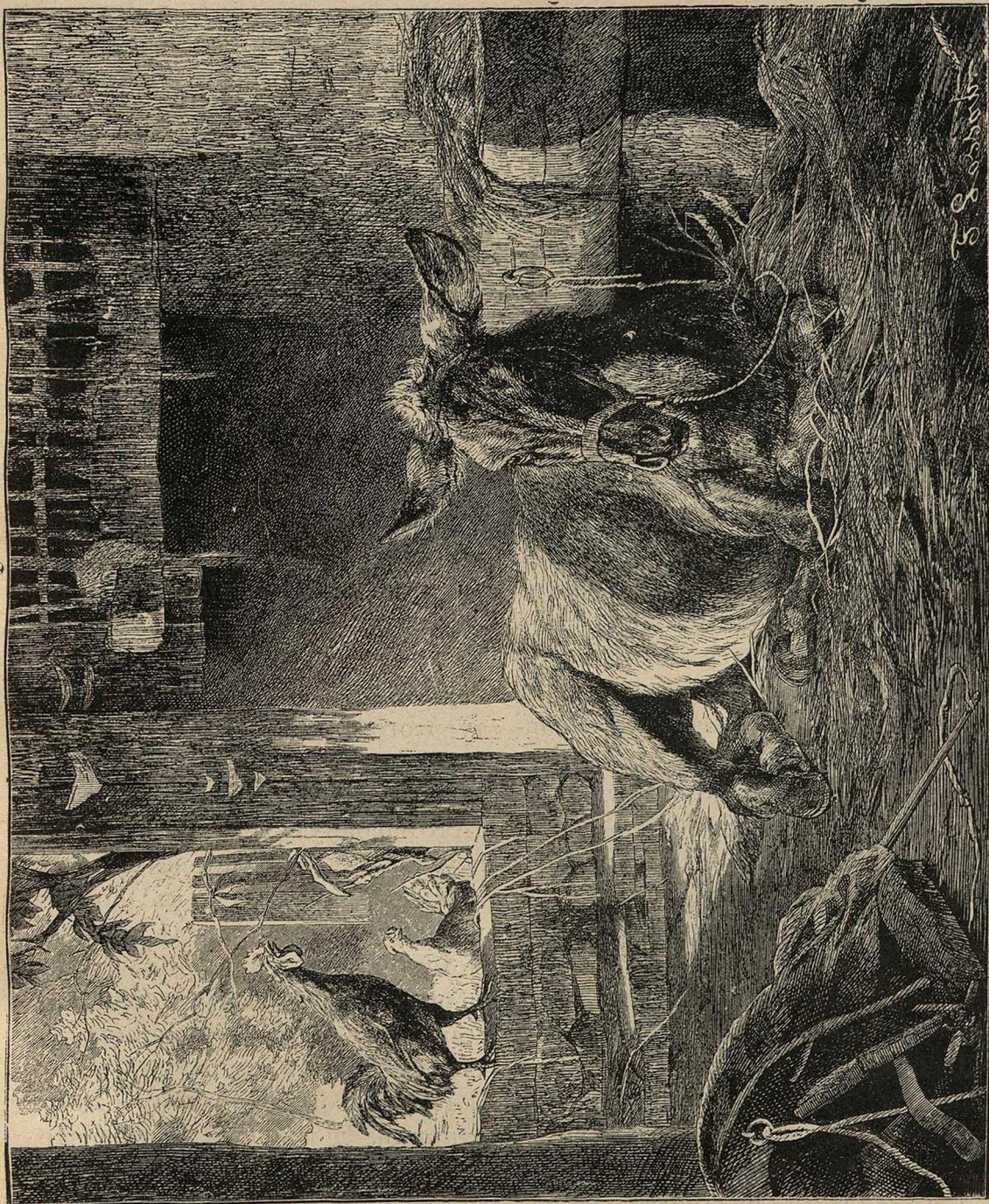
Пораженный неожиданностью, Джіованнино поблагодарилъ и открылъ коробку. Но не успѣлъ онъ разглядѣть хорошенько, что въ ней было, какъ Куду съ торжествомъ схватила въ каждую руку по золотой монетѣ, которыя были положены Ниной на самомъ верху. Мальчику стоило большого труда, чтобы заставить обезьяну отдать ему блестящія монеты.

„Какое счастье!“ подумалъ онъ. „Какъ они добры!“

При видѣ такого сокровища у Джіованнино заблестѣли глаза. Его огорчало при этомъ только одно,—что онъ не увидитъ больше никогда Нину и ея отца и мать. Но радость отъ признанія, что онъ пошлетъ теперь родителямъ такой

Щасенъ!

Послѣ тяжелой работы.

большой подарокъ, взяла надъ нимъ верхъ. Онъ тотчасъ же отправился въ гавань къ мѣняль, чтобы обмѣнить въ его маленькой лавочкѣ звонкія монеты на бумажныя деньги и послать ихъ въ конвертѣ при письмѣ къ себѣ домой.

Послѣ долгихъ разспросовъ, откуда у него такія деньги, мѣняло — неопрятный и мало внушавшій къ себѣ довѣрія старикъ въ грязной одеждѣ и съ сѣдой, висѣвшей клочьями бородою, обмѣнилъ ему золото на бумажныя деньги.

— Вотъ тебѣ самыя настоящія деньги! — сказала онъ, подавая Джіованнино бумажки. — Лучше и не найдешь! Останешься доволенъ!

Джіованнино взялъ отъ него деньги и отправился на почту.

Вложивъ ихъ въ конвертъ съ письмомъ, онъ сдалъ ихъ чиновнику подъ расписку, и самую расписку бережно спряталъ къ себѣ въ карманъ.

— Теперь они будутъ довольны!.. — радовался онъ, думая о матери и отцѣ. — Теперь они оплатятъ свои долги!

Черезъ двое сутокъ, въ отдаленной итальянской деревушкѣ, отецъ Джіованнино получилъ съ почты пакетъ.

— Тебѣ деньги изъ Генуи! — сказалъ ему почтарь.

Дрожавшими руками итальянецъ вскрылъ денежный пакетъ.

— Жена, — закричалъ онъ въ

радости. — Иди сюда скорѣе! Посмотри, что прислалъ намъ съ тобою нашъ сынъ! Развѣ я не говорилъ тебѣ, что нашъ Джіованнино лучше всѣхъ?

Жена подбѣжала къ мужу, ахнула и затѣмъ оба стали плакать.

— О, Джіованнино, Джіованнино! — воскликнули они и со слезами благодарили Бога за то, что онъ послалъ имъ такого сына, который безъ колебаній отослалъ имъ весь свой заработокъ, не оставивъ себѣ ничего.

Деньги явились какъ разъ кстати, чтобы выручить стариковъ изъ большой бѣды. Владѣлецъ избышки, въ которой они жили, не хотѣлъ долѣе ждать уплаты за квартиру и гналъ ихъ на улицу. Присланныя мальчикомъ деньги, теперь могли пойти именно на уплату этого долга.

„Только бы не узналъ объ этихъ деньгахъ никто!“ подумалъ отецъ. „А то нагрянутъ всѣ, кому я долженъ, и у меня не останется ничего!“

И, отправившись въ сосѣдній городишко, онъ зашелъ къ знакомому кушцу, приобрѣлъ у него перчатки для жены и тѣмъ размѣнялъ у него полученную отъ сына кредитку.

Купецъ отсчиталъ ему сдачу и старикъ, довольный тѣмъ, что у него въ карманѣ такъ много мелкихъ денегъ, возвратился къ себѣ домой, расплатился за квартиру и мирно улегся спать.

Онъ и не подозрѣвалъ, какое несчастіе должно было завтра обрушиться на его голову.

Лишь только торговецъ, у котораго были куплены перчатки, заперъ лавку, какъ тотчасъ же сталъ считать кассу и еще разъ взялъ въ руки кредитную бумажку. Онъ сталъ думать, откуда старикъ могъ получить такую крупную сумму, и посмотрѣлъ ее на свѣтъ. Вдругъ ему показалось, что она—фальшивая. Онъ тотчасъ же одѣлся и отправился съ ней въ полицію. Тамъ всё переполошились.

— Кто тебѣ далъ эту фальшивую бумажку?—спросили его такъ, что онъ испугался и задрожалъ.

— Одинъ крестьянинъ изъ сосѣдней деревни... — отвѣтилъ купецъ.

— Ты его знаешь?

— Уже нѣсколько лѣтъ...

Тотчасъ же были снаряжены два жандарма, которые отправились къ отцу Джіованнино.

— Именемъ закона я васъ арестую, — сказалъ ему одинъ изъ нихъ.

— Что я такое сдѣлалъ? — пробормоталъ старикъ, поблѣднѣвъ.

— Это вы узнаете на судѣ!

Сгорбившись, но съ совершенно спокойной совѣстью отецъ Джіованнино пошелъ между двумя жандармами къ судѣ. Тамъ его тотчасъ же допросили. Въ томъ, что онъ не самъ поддѣлалъ бумажку,

не могло быть никакого сомнѣнія, но ему задали вопросъ:

— Откуда ты её получилъ?

— Ее прислалъ мнѣ мой сынъ Джіованнино изъ Генуи, — отвѣчалъ старикъ. — Но мой сынъ не виноватъ ни въ чемъ. Онъ честный мальчикъ!

— Ладно, ладно! Расхваливай больше! — крикнулъ на него судья. — Мы знаемъ этихъ бродягъ, которые ходятъ съ обезьяной! Завтра же мы дадимъ телеграмму въ Геную, чтобы его тамъ арестовали.

И старика отпустили домой. Телеграмма дѣйствительно была послана въ Геную, но Джіованнино тамъ уже не оказалось. Онъ находился на кораблѣ.

Случилось это такъ. Ласка, оказанная ему русскою семьей, тронула его до глубины души, ему хотѣлось лично поблагодарить ее, и онъ, со свойственной всѣмъ итальянцамъ быстротой, рѣшилъ отправиться въ Неаполь.

— Я найду тамъ русскую барышню и ея отца, подумалъ онъ, — и поблагодарю ихъ за ихъ подарокъ!

И онъ отправился въ гавань, чтобы сѣсть на какой-нибудь пароходъ, отправлявшійся въ Неаполь.

Остановившись около одной изъ пристаней, онъ снялъ съ плеча обезьяну и сталъ показывать ея представленія.

Вокругъ него тотчасъ-же собралась толпа моряковъ, хохотавшихъ

до упада при каждой продѣлкѣ Куду.

Послѣ представленія изъ группы матросовъ выдѣлился добродушный и полный господинъ и подошелъ къ Джіованнино.

— Послушай, малый, — заговорилъ онъ, дружески ударивъ его по плечу, — я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе. Я — капитанъ купеческаго судна, которое стоитъ вонъ тамъ подлѣ большого парохода. Завтра утромъ мы снимаемся и уходимъ въ Мальту. Если хочешь, я возьму тебя съ собою. Мѣста хватитъ и для тебя, и для твоей обезьяны, а во время пути ты будешь насъ забавлять своей обезьяной. Идетъ?

— Хорошо придумано, капитанъ! — закричали матросы. — Пусть мальчуганъ плыветъ съ нами!

— А ты что скажешь? — спросилъ капитанъ у Джіованнино.

— А мы пройдемъ мимо Неаполя? — спросилъ онъ, такъ какъ ему очень хотѣлось встрѣтить тамъ Нину и повидаться съ ея отцомъ.

— Да, — отвѣтилъ капитанъ. — Мы тамъ будемъ стоять!

— Тогда я ѣду съ вами! — радостно воскликнулъ Джіованнино. — Завтра чуть свѣтъ я уже буду здѣсь.

На слѣдующее утро передъ восходомъ солнца мальчикъ уже былъ на суднѣ съ маленькимъ узелкомъ въ рукѣ и съ обезьянкою на плечѣ. Капитану было пріятно, что Джіованнино сдержалъ свое слово.

Скоро якорь былъ поднятъ и подгоняемое попутнымъ вѣтромъ, судно вышло въ открытое море.

А тѣмъ временемъ въ Генуѣ хватилась Джіованнино полиція и теперь уже составилось у нея твердое убѣжденіе, что онъ сбывалъ фальшивыя деньги и былъ негодяй. Рѣшено было продолжать его искать и во всѣ концы были посланы телеграммы, чтобы его арестовали при первой же его попыткѣ выйти на берегъ.

— Иначе зачѣмъ-же ему было бы бѣжать? говорили жандармы. — Сейчасъ видно, что онъ виновать.

Джіованнино плылъ по морю въ первый разъ въ жизни. Все его занимало: и синѣвшіе вдалькѣ берега, и волны, и выскакивавшіе изъ воды дельфины. Ему нравилась трудовая жизнь на кораблѣ, въ которой и онъ принималъ участіе: вмѣстѣ съ матросами онъ мылъ палубу, убиралъ снасти, вмѣстѣ-же съ ними и ѣлъ и пилъ. Его обезьяна занимала всѣхъ и самъ капитанъ часто бралъ ее къ себѣ въ каюту и кормилъ ее сладостями. Джіованнино и его Куду скоро полюбили всѣ.

Дней черезъ восемь проходили мимо Неаполитанскихъ береговъ. Виднѣлись вдалькѣ мерцавшіе огоньки Неаполя и Джіованнино въ первый разъ въ жизни увидѣлъ во мракѣ ночи вулканъ. Темная масса Везувія и Соммы выросла

изъ воды и изъ Везувія вылетали огненные языки.

— Посмотри, Джіованнино! обратился къ мальчику капитанъ. — Это—Неаполь. На обратномъ пути ты высадишься тамъ со своей обезьяной!

И они прошли мимо и поплыли дальше.

Джіованнино поглядѣлъ на далекій берегъ и подумалъ со вздохомъ о своихъ знакомыхъ. Увидить-ли онъ ихъ? Проживутъ-ли они въ Неаполѣ до тѣхъ поръ, когда онъ вернется туда на обратномъ пути?

— На Везувіи—зловѣщія облака! сказалъ капитанъ.—Это не хорошо! Надо пренять мѣры на случай непогоды.

И, обмѣнявшись нѣсколькими словами со своимъ помощникомъ, онъ приказалъ матросамъ осмотрѣть корабль.

Въ полночьтяжелая туча заволокла собою небо и поднялся рѣзкій, пронзительный вѣтеръ. Море заволновалось и зашумѣло. Теченіемъ стало относить судно наюго-западъ. Морскія волны стали разрастаться все больше и больше и наконецъ буря засвистала во всѣхъ снастяхъ. Ослѣпительныя молніи прорѣзывали небо изъ края въ край и грозные раскаты грома сливались съ ревомъ бури въ одинъ общій вой. Капитанъ стоялъ на своемъ мостикѣ и все время озабоченно глядѣлъ впередъ.

— Осторожнѣе!.. говорилъ онъ своему помощнику и самому себѣ.—Здѣсь масса подводныхъ камней и пустынныхъ, необитаемыхъ островковъ!

Джіованнино долго и мужественно сопротивлялся качкѣ и непогодѣ, но затѣмъ его всетаки одолѣвала морская болѣзнь и онъ, по совѣту матросовъ, ушелъ въ каюту и легъ. Какъ нѣжная мать, онъ прижималъ къ себѣ Куду и находился въ полузабытѣ.

Вдругъ его испугалъ сильный толчекъ, сопровождавшійся ужаснымъ шумомъ. Куду испустила крикъ испуга и крѣпко прижалась къ своему хозяину, который въ нѣсколько скачковъ оказался уже на палубѣ. Здѣсь на лицахъ у всѣхъ онъ прочелъ смертельный страхъ. Судно получило пробоину. Вода уже заполнила корабль снизу въ то время какъ громадные волны заливали собою палубу сверху. Судно погибало и черезъ нѣсколько минутъ должно было неминуемо пойти ко дну.

Новый сильный порывъ вѣтра сломалъ мачту. Она упала въ воду и увлекла за собою и Джіованнино. Онъ очутился въ водѣ.

Горячо молясь Богу, онъ опустился въ воду вмѣстѣ съ вцѣпившейся въ него обезьянкой. Когда онъ вынырнулъ снова на поверхность, чтобы вдохнуть въ себя воздухъ, то увидѣлъ недалеко отъ себя боченокъ, на которомъ Куду

раньше показывала на кораблѣ свои фокусы. Ему посчастливилось схватиться за него, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы продержаться на водѣ нѣсколько мгновений. Осматриваясь кругомъ съ ужасомъ, онъ увидѣлъ, что судно пошло ко дну и что экипажъ его искалъ спасенія на доскахъ, которыя составляли его грузъ.

Послѣ долгой борьбы съ моремъ, Джіованнино судорожно вцѣпился пальцами въ края боченка, обезьянка обвила его шею хвостомъ и обхватила его руками и онъ лишился чувствъ...

Когда-же онъ пришелъ въ себя, то свѣтило солнце и кричали птицы. Онъ лежалъ на берегу маленькаго необитаемаго островка, которыхъ много у береговъ Италіи, и его бѣдная обезьянка, промокшая до костей и дрожавшая отъ холода, прижалась къ нему и старалась согрѣть о него свои окоченѣвшіе члены.

Ихъ выбросило на берегъ.

Джіованнино приподнялся, оглядѣлся по сторонамъ и помолился Богу. Скоро ласковое солнце согрѣло ихъ обоихъ, но мальчикъ къ ужасу своему убѣдился, что на всемъ островкѣ онъ былъ одинъ и что рассчитывать на чью-нибудь помощь было невозможно. И для него потянулись тяжелые дни.

Правда, онъ нашелъ нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ и преимущественно финиковъ, которыми и

утолилъ голодъ; но его мучила страшная жажда. Слѣдуя примѣру обезьяны, онъ освѣжалъ себя по утрамъ травяной росой, но это не могло утолить его жажды; воды же, не смотря на усердные поиски, найти ему не удавалось. Островокъ оказался безводнымъ.

Онъ чувствовалъ, что силы его падаютъ и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ растянулся на землѣ подъ пальмою и сталъ ожидать приближенія смерти. Глаза его отъ слабости закрывались сами собою и въ дыханіи послышались хрипы.

Обезьянка смотрѣла на своего хозяина съ безпокойствомъ. Она взобралась на пальму и начала озираться кругомъ. Вдругъ она быстро спустилась по стволу внизъ и принялась тормошить стонавшаго мальчика.. Когда изъ этого ничего не вышло, она рѣшилась поступить по своему. Она вытянула у него изъ кармана платокъ и убѣждала съ нимъ куда-то въ глубь островка.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась съ мокрымъ платкомъ и приложила его къ губамъ умирающаго. Джіованнино открылъ глаза. Куду снова исчезла и вернулась съ вновь пропитаннымъ водою платкомъ; теперь мальчикъ былъ уже въ силахъ самъ выжать платокъ и выпить изъ него воду. Собравъ послѣднія силы, онъ поползъ вслѣдъ за обезьянкою, и она привела его къ расщелинѣ ска-

лы. Тутъ онъ нашель немного прѣсной воды и могъ утолить томившую его жажду.

— Дорогая моя! обратился онъ къ обезьянкѣ.—Какъ мнѣ тебя благодарить!

Подкрѣпившись, онъ снова пошелъ къ пальмѣ. Куду радостно прыгала вокругъ него, потомъ вскарабкалась по стволу, не выпуская изъ рукъ спасительнаго платка, и замахала имъ побѣдно, точно флагомъ.

Въ это время проходила мимо маленькая яхта, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ островка. На ней находился господинъ среднихъ лѣтъ съ женою и дѣвочкой, дочерью лѣтъ десяти.

Увидѣвъ, что кто-то на деревѣ машеть платкомъ, дѣвочка подбѣжала къ отцу и указала ему на островокъ.

— Гляди, папа, сказала она ему на русскомъ языкѣ.—Какой-то маленький человѣчекъ машеть на деревѣ бѣлымъ платкомъ!

Господинъ посмотрѣлъ въ бинокль и встрепенулся.

— Да, да, Ниночка, это вѣрно!.. отвѣтилъ онъ.—Тамъ дѣйствительно кто-то есть! Но кто-бы это могъ быть? Вѣдь этотъ островъ представляетъ изъ себя одинокую скалу и никѣмъ не обитаемъ!

А обезьянка продолжала махать платкомъ.

— Должно быть тамъ кто-нибудь спасся послѣ той бури, сказала

мама Нины,—которая пронеслась надъ Италіей на прошлой недѣлѣ!

Господинъ еще разъ посмотрѣлъ въ бинокль на островокъ.

— Мы катаемся, намъ все равно некуда спѣшить, сказалъ онъ наконецъ,—давайте пристанемъ къ берегу и посмотримъ, что тамъ такое!

Яхту остановили и рѣшено было тотчасъ-же высадиться на берегъ.

Увидѣвъ передъ собою Нину и ея отца и мать, Джіованнино не вѣрилъ себѣ и сталъ протирать себѣ глаза. Боже мой! Неужели это они? Какимъ образомъ это могло случиться? Какъ они могли сюда попасть?

А они тоже во всѣ глаза смотрѣли на Джіованнино, на его обезьяну и не понимали, какъ онъ могъ оказаться на этомъ островѣ?

— Джіованнино! кричала радостно Ниночка—Милый хорошій Джіованнино! Откуда ты? Почему ты здѣсь?

Онъ смотрѣлъ на нихъ и слезы градомъ катились у него по щекамъ.

— Я ѣхалъ къ вамъ... отвѣтилъ онъ имъ по французски.—Въ Неаполь... мнѣ хотѣлось увидѣть васъ...

Всѣ бросились къ мальчику и стали его обнимать. Различіе въ положеніяхъ и въ сословіяхъ было откинуто въ сторону: всѣ были подвліяніемъ только естественнаго чувства радости. Одна только обе-

зьянка Куду не радовалась. Печальными глазками она глядѣла на всѣхъ и то и дѣло хваталась лапкой за горло. Долгое время пребывания въ водѣ не прошло для нея даромъ, она простудилась, ей больно было глотать и, точно чловѣкъ, она испытывала по всему своему тѣльцу жаръ.

Джіованнино и ее взяли на яхту и повезли въ Неаполь.

Джіованнино и Нина съ одинаковымъ рвеніемъ ухаживали за заболѣвшимъ животнымъ. Куду завернули въ теплое одѣяло и стали

кормить всѣмъ, что только нашлось на пароходѣ лучшаго. Но всѣ старанія ихъ были напрасны. Куду отказывалась отъ пищи. Ея глазки потускнѣли, голосокъ сдѣлался неслышнымъ и, прежде, чѣмъ вошли въ неаполитанскую гавань, она вытянулась во весь свой ростъ и испустила духъ.

Джіованнино былъ неутѣшенъ. Въ погибшей обезьянкѣ онъ потерялъ и кормилицу и спасительницу своей жизни, свою радость, и близкаго друга. Нина тоже пролила горькія слезы по обезьянкѣ и изъ состраданія къ мальчику.

Когда Неаполь былъ уже въ виду, русскій господинъ спросилъ Джіованнино, что онъ намѣренъ дѣлать въ этомъ городѣ?

— Завести вторую обезьяну я уже буду не въ силахъ ни за какія блага въ мірѣ, — отвѣтилъ Джіованнино со слезами на глазахъ. — У меня передъ глазами всегда будетъ вставать образъ Куду. Родители мои стары и дряхлы — и я не могу оставить ихъ однихъ. Я уже настолько выросъ, что въ состояніи обрабатывать поле. Попро-

Не понравилось.

бую возвратиться на родину и буду тамъ помогать отцу!

Отецъ Нины погладилъ его по головѣ и не сказалъ ничего.

Яхта подплывала къ берегу и передъ ними развѣрнулся очаровательный Неаполь. Изумрудный заливъ, на немъ, точно чайки, бѣлые паруса, вдали бѣлыя постройки и голубой Везувій съ чуть замѣтнымъ дымкомъ изъ кратера, тонкой струйкой стремящимся къ небу, потянулись передъ ними, какъ въ панорамѣ. Джіованниновъ первый разъ въ жизни видѣлъ передъ собою такую красоту, глядѣлъ и нѣмѣлъ отъ восторга.

Отецъ Нины привлекъ Джіованнино къ себѣ.

— Насъ такъ необычайно свела съ тобою судьба, сказалъ онъ, и я не хочу разстаться съ тобою, не оказавъ тебѣ помощи. Черезъ полчаса мы будемъ въ Неаполѣ и тамъ наши дороги разойдутся. Возьми себѣ на память о насъ эти деньги. Тутъ тебѣ хватить и на дорогу, и на покушку избушки для твоихъ матери и отца, и небольшого клочка земли и пары коровъ. Если же тебя современемъ постиг-

Испугались лягушки.

нетъ нужда, то обратись ко мнѣ.

И онъ далъ Джіованнино свой адресъ въ Россіи.

— Не благодари меня, сказалъ онъ, отъ этого у меня станетъ еще тяжелѣе на сердцѣ.— Будь здоровъ и да хранить тебя Богъ!

Джіованнино былъ не въ состояніи благодарить словами. Онъ хотѣлъ покрыть поцѣлуями руки, господина, но тотъ не допустилъ его до этого и ушелъ, еще разъ привѣтливо кивнувъ мальчику головою. Нина слушала слова отца

съ благодарнымъ чувствомъ и глубоко тронутая. Когда вскорѣ послѣ этого пароходъ причалилъ и настало время проститься, то изъ ея нѣжныхъ голубыхъ глазъ скатились двѣ крупныя жемчужныя слезы.

Но вотъ ужъ и Неаполь. Яхта дѣлаетъ два-три оборота винтомъ и причаливаетъ къ берегу. Всѣ суетятся, спѣшатъ, точно имъ такъ неприятно было ѣхать на пароходѣ.—Вмѣстѣ съ другими выходятъ на берегъ и Джіованнино. Но едва только его нога ступаетъ на твердую землю, какъ къ нему подскакиваютъ два жандарма и хватаютъ его за руки.

— Именемъ закона я тебя арестую! говоритъ одинъ изъ нихъ.

Мальчикъ чувствуетъ, какъ у него холодѣетъ подъ сердцемъ и какъ ноги начинаютъ отказываться ему служить. Но въ это время къ нему подходитъ русскій господинъ съ Ниной и спрашиваетъ у жандармовъ:

— За что?

Они ему говорятъ. Они рассказываютъ ему о томъ, какъ маль-

чикъ вдругъ неожиданно разбогатѣлъ, какъ онъ послалъ своему отцу фальшивыя деньги и какъ неожиданно скрылся изъ Генуи.

— Оставьте его, обращается къ жандармамъ русскій господинъ.— Я расскажу вамъ все!

И онъ отправляется вмѣстѣ съ ними въ полицію и объясняетъ тамъ все.

На слѣдующій день Джіованнино снова стоитъ на палубѣ парохода и на этотъ разъ уже отправляется въ Геную, а оттуда—къ своимъ родителямъ. Все пережитое остается позади него и передъ нимъ открывается новая жизнь, трудовая и разумная, и онъ смѣло и весело идетъ къ ней на встрѣчу самъ.

Раздается гудокъ и пароходъ медленно отчаливаетъ отъ берега.

— Прощай, Джіованнино! кричитъ ему съ берега Нина.

— До свиданія, сеньорита! отвѣчаетъ онъ. Спасибо вамъ!

Онъ снимаетъ шапку и еще долго стоитъ на палубѣ и размахиваетъ ею въ воздухѣ.

А. С—ой.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Продолженіе).

Приѣхавъ въ Ярославль и оставившись въ гостинницѣ, Соня тотчасъ-же развязала свои узлы, достала книжки и стала учиться. Завтра въ девять часовъ утра ее поведутъ на экзамень и безпокойство наполнило ея душу. Къ тому же и мысли о нянѣ не выходили у нея изъ головы. Почему-то Соня была увѣрена, что увидѣла въ толпѣ именно свою няню, хотя самая мысль объ этомъ казалась ей вздорной и несбыточной.

„Какъ она могла попасть сюда?“ думала она.—„Нѣтъ, это я ошиблась!.. Это простая случайность!

И чтобы не думать больше о нянѣ, она зажала ладонями уши и стала повторять вслухъ то, что давно знала наизусть.

Глядя на нее, принялся за книги и Боря. Но онъ не сидѣлъ за столомъ, а расхаживалъ по номеру взадъ и впередъ и во все горло повторялъ заповѣди и молитвы.

....„Попрыгунья-стрекоза, лѣто красное пропѣла“, скороговоркой и тихонько зубрила Соня,—„оглянуться не успѣла, какъ зима катить въ глаза,“...

А Боря шагалъ въ это время по комнатѣ изъ угла въ уголъ и, сколько у него было голоса, кричалъ:

— „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси

горѣ, елика не земли низу“ и т. д.

Отъ смѣшенія ихъ голосовъ получалась неразбериха и если-бы къ нимъ вошелъ кто-нибудь въ эту минуту въ номеръ, то могъ-бы подумать, что дѣти ссорятся между собою и никакъ не могутъ другъ друга понять.

Иванъ Игнатьичъ и дядя Григорій Петровичъ оставили ихъ однихъ, а сами отправились сдѣлать кое-какія покупки.

Проучившись цѣлый часъ, Соня и Боря устали, подошли къ камину и сладко оба потянулись. Утомившись носиться по комнатѣ, какъ локомотивъ, Боря усѣлся на стулъ и сложилъ ручки на колѣняхъ. Соня прислонилась къ камину, заложивъ руки за голову, и глубоко вздохнула.

— Тебѣ надо постричься, Борисъ... сказала она.—Въ усадьбѣ ты весь обросъ... Волоса стали у тебя, какъ у отца дьякона!... Какой ты гимназистъ?

Боря помоталъ головою и задумчиво отвѣтилъ:

— Все равно я провалюсь!.. Я не знаю ровно ничего. Стѣить-ли стричься?..

Но Соня уже не слушала его. Передъ ея глазами вновь пронеслась картина высокаго берега Вол-

ги, на которомъ возвышались дома Ярославля и видѣлся бульваръ. Она стоитъ на пароходѣ и глядитъ на постройки. Здѣсь она будетъ учиться и жить. Этотъ городъ будетъ ея второю родиной. Но вотъ пароходъ описываетъ дугу и причаливаетъ къ пристани. На ней—масса людей: провожающіе, встрѣчающіе и носильщики. Соня сбѣгаетъ внизъ, укладываетъ вещи и въ толпѣ выходитъ вмѣстѣ съ дядей изъ парохода. Но что это? Неужели это не сонъ? Неужели глаза не обманули ее? Передніе ряды публики разрываются и сквозь нихъ она видитъ тамъ, въ глубинѣ, у самой стѣны пристани, свою няню Агашу. Неужели это она? На какой-нибудь моментъ, на какую-нибудь сотую долю секунды глаза ихъ встрѣтились, обѣ онѣ, казалось, узнали одна другую, и вслѣдъ

затѣмъ толпа снова заволновалась, подхватила Соню и дядю и вынесла ихъ на берегъ.

Нѣтъ, это былъ сонъ, это былъ обманъ зрѣнія! Все это время до самаго приѣзда въ Ярославль Соня думала о своей нянѣ и вотъ ей и показалось, что она увидѣла ее въ толпѣ.

И, страхнувъ съ себя свои мысли, Соня вновь потянулась и робко спросила:

— Боря, ты помнишь мою няню?

Боря поднялъ голову, поглядѣлъ на потолокъ и подумалъ.

— Нѣтъ! отвѣтилъ онъ.

— Ну, помнишь, когда мы уѣзжали въ Ялту, такъ она еще стояла у нашей дачи на крыльцѣ и махала намъ платкомъ?

Боря еще разъ подумалъ.

— Попугай помню, искренно отвѣтилъ онъ,—а няню—нѣтъ!

— Какой ты глупый, улыбнулась Соня.—Вотъ мнѣ теперь и не съ кѣмъ поговорить о ней! А кстати: гдѣ-то теперь мой попугай?

Въ это время раздался стукъ въ дверь и въ номеръ вошелъ корридорный. Онъ зажегъ двѣ свѣчи, переставилъ ихъ съ камина на столъ, спросилъ, не нужно-ли чего-нибудь, и ушелъ. Боря потянулся и зѣвнулъ.

— Ты усталъ, спать хочешь? обратилась къ нему Соня.

— Да, отвѣтилъ Боря...—Должно быть, папа и Иванъ Игнатьичъ

— Ты помнишь мою няню?

вернутся еще не скоро. Я хотѣлъ-бы чего-нибудь поѣсть.

Соня достала изъ корзинки пирожковъ, котлетъ и печенья, раскупорила бутылку молока и оба они, одни, на чужбинѣ, поужинали и стали дремать. Усталость и масса впечатлѣній, полученныхъ ими за дорогу, утомили ихъ и имъ хотѣлось поскорѣе лечь, протянуть ноги и почему-то непременно укрыться простынею съ головой, хотя было еще не такъ поздно и не такъ темно.

Соня развязала постельное бѣлье и подушки и одѣяла, устроила Борѣ на диванѣ постель и, видя, что Боря совсѣмъ уже спитъ и еле стоитъ на ногахъ, она подвела его къ умывальнику и умыла его сама.

— Ложись! сказала она.— Спи крѣпко! Постарайся увидѣть хороший сонъ.

Съ закрытыми глазами Боря едва имѣлъ силъ раздѣться, бросился затѣмъ въ постель и сладко заснулъ.

Соня прибрала остатки ѣды, приготовила постели дядѣ и Ивану Игнатъичу, скомкала и бросила въ корзинку бумажки, навела на все порядокъ и, довольная собою, снова усѣлась за столъ и стала повторять уроки.

Около нея стояла печальная свѣча и, не колебля своего пламени изъ стороны въ сторону, освѣщала ея головку. Съ улицы доно-

Соня крѣпко спала.

сились звуки трамвая и слышно было, какъ гдѣ-то далеко, на бульварѣ игралъ оркестръ. Сбоку, за перегородкой, въ сосѣдномъ номерѣ громко разговаривали и бряцали шпорами офицеры. Но Соня не слышала ничего: она глядѣла въ книгу, хотѣла читать, но буквы прыгали у нея въ глазахъ и то и дѣло выростала передъ ней картина высокаго берега, пристани и пароходы и въ толпѣ мелькала передъ ней ея милая, ненаглядная няня.

А когда въ десятомъ часу возвратились въ гостиницу Григорій Петровичъ и Иванъ Игнатъичъ, то они застали Соню все еще сидѣвшей за столомъ. Протянувъ одну руку вдоль книги и положивъ на нее свою головку, Соня крѣпко спала и по выраженію ея личика можно было догадаться, что она видѣла сладкій сонъ.

Случилось такъ, что пріемные экзамены и въ мужской, и въ жен-

ской гимназіи приходились на одинъ и тотъ-же день. Еще наканунѣ было рѣшено, что Борю поведетъ на экзаменъ Иванъ Игнатьевичъ, а Соню—дядя. Являться было нужно къ девяти часамъ утра, но Соня въ семь часовъ была уже на ногахъ. Она разбудила всѣхъ, потребовала самоваръ, напоила всѣхъ чаемъ и стала собираться въ гимназію. Боря вскочилъ, какъ встрепанный, быстро одѣлся, быстро проглотилъ свой чай и, взявши книжку, снова запагалъ по комнатѣ и сталъ вслухъ зубрить.

— Довольно! Отдохни! сказалъ ему папа.—Передъ смертью не надышешься!.. Все равно въ четверть часа не выучишь того, что нужно было знать раньше!

Черезъ полчаса они отправились на экзамены. Пройдя половину бульвара, Соня съ дядей свернули направо, а Иванъ Игнатьичъ съ Борей пошли влѣво къ виднѣвшейся на площади мужской гимназіи.

Боря выдержалъ экзамены отлично. Онъ такъ кричалъ, когда отвѣчалъ, что экзаменовавшіе его учителя и батюшка улыбались. Одинъ изъ мальчиковъ - гимназистовъ, сидѣвшій тутъ-же и слышавшій, какъ онъ отвѣчалъ, плѣнился его смѣлостью и деревенскимъ видомъ и толкнулъ въ бокъ своего товарища.

— Корниловъ, обратился онъ къ нему,—смотри, какіе у этого мальчика длинные волосы!

Федей Корниловъ и самъ уже давно смотрѣлъ на Борю. Что-то странное влекло его къ нему и ему захотѣлось вдругъ, чтобы поскорѣе кончился экзаменъ и чтобы имъ познакомиться поближе.

Но вотъ экзаменъ конченъ. Теперь Боря уже гимназистъ. Съ сознаниемъ исполненнаго долга онъ отправляется къ себѣ на мѣсто, чтобы взять свои книжки и тетрадки и идти съ ними домой, но всѣ его пожитки оказываются уже собранными Федей.

— Иди сюда! обращается онъ къ Борѣ. Твои книги здѣсь!

И, притянувъ къ себѣ Борю за рукавъ, онъ усаживаетъ его рядомъ съ собою. И какъ это часто случается между дѣтьми, они какъ-то сразу сошлись, разговорились и понравились другъ другу. Изъ гимназіи они вышли вмѣстѣ. Иванъ Игнатьичъ былъ доволенъ и весело подшучивалъ надъ Борей.

— Молодчина! говорилъ онъ.—Теперь твой папа будетъ доволенъ!.. Теперь можно тебѣ купить и длинные брюки и сапоги!

За Федей зашла няня Агаша. Она была теперь одна, такъ какъ Валя задержалась въ гимназіи. Увидѣвъ Борю, она заинтересовалась имъ, оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и съ такимъ видомъ, будто хотѣла задать себѣ вопросъ: гдѣ она уже однажды его видала? Но память уже измѣнила ей, она не узнала Борю и, взявши

отъ Оеди книжки, повела его домой.

— Пойдемъ съ нами! обратился къ Борѣ Оедя.—Мы живемъ на набережной за губернаторскимъ домомъ!

Боря вопросительно посмотрѣлъ на Ивана Игнатьича. До обѣда было еще далеко, такъ какъ экзамены окончились раньше, чѣмъ Иванъ Игнатьичъ предполагалъ, учителю хотѣлось лишній разъ посмотрѣть на Волгу и пройтись и потому онъ охотно согласился и они пошли вмѣстѣ. Впереди шла няня Агаша съ книжками Оеди, за нею бѣжали зигзагами Боря и Оедя, уже сдружившіеся между собой, а сзади всѣхъ, не спѣша, шель Иванъ Игнатьичъ и читалъ на ходу газету.

По дорогѣ, у губернаторскаго дома, имъ попалась навстрѣчу какая-то дама.

— Мамочка! Мама!—взвизгнулъ Оедя и бросился къ ней.

Она поцѣловала его въ розовую щеку. За компанію съ нимъ къ ней подбѣжалъ и Боря. Она взглянула на его деревенское, загорѣлое лицо и потрепала его по щекѣ.

— А это кто?—спросила она у Оеди.

— Это мой новый товарищъ,

Боря! — отвѣтилъ Оедя. — Теперь онъ тоже въ нашей гимназіи. И будетъ жить здѣсь! Вотъ и его учитель!

Надежда Сергѣевна перевела глаза на Ивана Игнатьича. Онъ вѣжливо приподнялъ передъ ней шляпу и поклонился. Она подала ему руку, они познакомились, но обомимъ было въ первую минуту какъ-то неловко и Надежда Сергѣевна остановила няню Агашу, передала ей какія-то порученія, а затѣмъ громко сказала:

— Няня, ты не ходи сегодня за Валею въ гимназію. Я зайду за ней сама!

И кивнувъ головою Ивану Игнатьевичу и дѣтямъ, она отправилась вдоль набережной.

Но вотъ и домъ, гдѣ живетъ Оедя. Няня вошла въ его ворота, Иванъ Игнатьевичъ сѣлъ на лавочку лицомъ къ Волгѣ и сталъ продолжать читать газету, а Оедя и Боря еще долго вмѣстѣ бѣгали около него и рѣзвились на солнцѣ, на набережной.

По Волгѣ шли пароходы, тянулись плоты, а по ту сторону ея, далеко на горизонтѣ виднѣлся дымокъ: это шель поѣздъ изъ Вологды.

—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы пять словъ:

1. То, безъ чего не можетъ обойтись ни одно живое существо.
2. Домашнее животное.
3. Хищная птица.
4. Мѣсто, гдѣ закладываютъ вещи.
5. Длинная вереница верблюдовъ, идущая черезъ пустыню.

Изъ первыхъ слоговъ всѣхъ этихъ словъ составить новое слово, которое означаетъ то, что Вы сейчасъ разгадываете.

Что это такое?

(Предложилъ Сережа Тушканчикъ).

II.

Задуманы два слова:

1. Хищная птица.
2. Часть тѣла всѣхъ животныхъ, рыбъ и птицъ.

Если отъ перваго изъ этихъ словъ взять первый слогъ и отъ втораго—последній, то изъ обоихъ слоговъ составитя названіе ночной хищной птицы.

Какія слова задуманы и какая это птица?

III.

Названія какихъ частей жилища находятся въ слѣдующихъ фразахъ:

1. Онъ съѣлъ такъ много толкна, что даже заболѣлъ.
2. На холодномъ вѣтру бараны такъ зябли, что многіе изъ нихъ послѣ издохли.
3. Рыбаки, вы измокли сами и мокры шалаши у васъ! Не простудитесь!
4. На мѣстѣ нынѣшняго городского сада былъ нѣкогда кремль.
5. Плотникъ принялся за работу: быстро пила заходила по дереву и топоръ сталъ рубить по бревнамъ.
6. Химикъ потолокъ фунтъ селитры и полъ-фунта какой-то еще другой соли и смѣшалъ ихъ вмѣстѣ.
7. Въ нашемъ овсѣ никакихъ примѣсей не бываетъ.
8. Я ѣхалъ въ скоромъ поѣздѣ, сидѣлъ одинъ въ цѣломъ купе, читалъ газеты и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время.

Продолжается подписка

на художественно-литературный журналъ для дѣтей

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ ТРИ руб. 80 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

При каждомъ номерѣ приложенія.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)
подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. **Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ** (съ пересылкою по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

